

ИССЛЕДОВАНИЯ МИРА И КОНФЛИКТОВ

СВЯЗЬ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ В ОБЛАСТИ ИЗУЧЕНИЯ МИРА И КОНФЛИКТОВ*

Луис Крисберг

Цитирование: Крисберг Л. (2021) Взаимосвязь теории и практики в области изучения мира и конфликтов. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(1): 29–44. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.2>

Citation: Kriesberg L. (2021) Vzaimosvyaz' teorii i praktiki v oblasti izucheniya mira i konfliktov [Connecting Theory and Practice in the Peace and Conflict Studies Field]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(1): 29–44 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.1.2>

Теория и практика — два важных и тесно связанных феномена. В этой главе я сосредоточусь на том, как они влияют друг на друга в контексте исследований мира и конфликтов. Основной вопрос, на который я пытаюсь ответить: как и когда хорошая теория ориентирует конструктивную практику на сглаживание социальных конфликтов.

Основные концепции

Несмотря на то что я подчеркиваю взаимосвязь этих двух явлений, начнем обсуждение с того, насколько они аналитически отличны друг от друга. Проводя различие, я рассматриваю оба явления в широком контексте. Под практикой понимаются действия, предпринятые для прямой связи или иного воздействия на поведение других людей. Действия могут быть мотивированы чувством страха, моральными устоями или желанием продвигать личные или коллективные интересы. Практика подразумевает поведение, которое происходит в определенной сфере и следует за опытом или обучением определенному виду деятельности. В контексте настоящего анализа соответствующие действия направлены на изменение поведения людей, участвующих в конфликте или собирающихся в него вступить, с целью сделать разногласия менее разрушитель-

---

* Перевод сделан с разрешения издательства и автора по тексту: Kriesberg L. (2019) Connecting theory and practice in the peace and conflict studies field. In: *Routledge Companion to Peace and Conflict Studies*. Ed. by Sean Byrne, Thomas Matyók, Imani Michelle Scott, Jessica Senehi. New York: Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315182070>.

ными, чем они могли бы быть. Такие действия различаются по своей эффективности, по поведению объекта действия, масштабу действий. В данном случае практика ограничивается посредническими или иными действиями со стороны лиц, являющихся сторонниками конфликта. Сторонники конфликта могут опираться на исследования в области мира и конфликтов в качестве руководства для конструктивного разворачивания конфликта. Практика считается успешной или нет в зависимости от ее последствий.

Все участвуют в конфликтах. Иногда вовлечение в конфликт происходит между двумя людьми, действующими индивидуально. Иногда человек официально или неофициально представляет более крупное образование, племя, организацию или страну. Иногда он принадлежит к одному из крупных противников, участвующих в конфликте. Иногда участвующий в конфликте в качестве стороннего наблюдателя вступает в него как посредник, союзник или в какой-либо другой роли.

Теория в данном случае относится к способам мышления, которые выражаются в устной или письменной форме и касаются спорных отношений, которые развиваются и иногда могут конструктивно трансформироваться. Теория и содержание одинаковы для всех отраслей или сообществ, входящих в поле исследований мира и конфликтов. Например, теория может различаться между частично пересекающимися сообществами, занимающимися исследованиями мира и исследованиями конфликтов. Теория и содержание занимают центральное место в тесно связанных областях, относящихся к разрешению конфликтов и исследованию мира. Структура теории варьируется от общего подхода или перспективы до набора дедуктивно упорядоченных положений или принципов. В наиболее узком смысле она принимает форму обобщения стратегий, тактики или техники ведения и конструктивного разрешения конфликтов.

Значительная теория, относящаяся к конфликтам, существует главным образом вне исследований мира и конфликтов. В школах международных отношений она включает подходы, которые рассматривают стремление к власти и опору на принуждение как фундаментальные явления. Теория также включает подходы, основанные на религиозной вере в различные традиции. Она происходит из таких всеобъемлющих широких перспектив, как функционализм, конструктивизм, феминизм и экономика. Элементы из этих подходов в разной степени вносят вклад в изучение мира и конфликтов. Я пытаюсь оценивать теории как успешные или неуспешные с точки зрения их правильности, подтвержденной эмпирическими данными и их конструктивным вкладом. Следует признать, что доказательства могут быть неубедительными или спорными.

И теория, и практика различаются по специфике своего проявления, но иногда они могут смешиваться. Они также различаются по масштабам конфликтного поведения, которое является объектом исследования, — от крупномасштабных национальных и международных раздоров, включающих насилие, до менее крупных споров, возникающих в рамках регулируемых споров. Наконец, как теория, так и практика различаются по установочным точкам, в которых возникают разногласия: в качестве посредника или переговорщика, основного агента образования, занимающего какую-либо сторону, партийного сторонника или инакомыслящего, как стороннего наблюдателя, заинтересованного в конфликте или в качестве аналитического наблюдателя.

Несмотря на то что теорию и практику можно аналитически разделить, в действительности они тесно взаимосвязаны и могут быть смешанными. Человек может высказать теоретическое замечание с целью изменить поведение спорящих людей, или спорящий человек цитирует теоретическое идеи, чтобы достичь согласия с теми, кто поддерживает противника. Следовательно, то, что рассматривается как теория и практика, определяется тем, кто выполняет это действие.

В этой главе я исследую, как практика и теория соотносятся друг с другом. Один из способов изучения заключается в том, что создание теории о мире и конфликте часто основывается на изучении того, насколько конструктивно люди разрешают конфликты, а также деструктивного подхода к разрешению конфликтов. Другие отношения возникают, когда теория мира и конфликтов ориентирует людей, вовлеченных в конфликт. Отсюда следует, что люди, занимающиеся практикой, и люди, разрабатывающие теорию, могут учиться друг у друга. Конечно, люди, занимающиеся практикой, могут бессознательно вести себя в соответствии с действующей теорией разрешения конфликтов, не осознавая этого. Вместе с тем люди, занимающиеся практикой, могут следовать ошибочной теории.

Прежде чем продолжить, я должен обсудить два вопроса более подробно. Один из них — область изучения мира и конфликтов, второй — теории, связанные с этой областью. Это поле включает несколько форм. Важнейший компонент — многочисленные академические центры в США и во многих других странах. На уровне бакалавриата и магистратуры они предлагают курсы, сертификаты и степени в области изучения мира, разрешения конфликтов, медиации, исследований мира и справедливости и в других областях. В разной степени отдельные преподаватели таких центров проводят исследования, разрабатывают теории, преподают и участвуют в практической работе по данным темам. Кроме того, многие неправительственные организации (НПО) также предлагают обучение

и практику по темам, изложенным выше. Государственные учреждения в разных областях тоже предоставляют услуги и проводят исследования по указанным темам.

Теория в области исследования мира и конфликтов имеет множество источников, включая различные дисциплины, и демонстрирует совокупность полностью синтезированных идей. В действительности теория состоит из множества мини-теорий о конкретных видах конфликтов на разных стадиях. Они разделяют общий подход или перспективу, включающие некоторые общие принципы и идеи (Kriesberg 2015; Kriesberg, Dayton 2017).

Помимо таких основных идей, в области исследования мира и конфликтов есть сферы, включающие обширные исследования и хорошо обоснованные мини-теории. К ним относятся переговоры на разных этапах конфликта, с разным количеством сторон, в разных контекстах (Druckman 1995; Sher, Kurtz 2015; Lewicki et al. 2000; Raiffa 1982). Посредничество — еще одна тема, в которой проводились важные исследования и построение теории о видах медиации в разных условиях (Moore 2003; Bercovitch 1996; Crocker et al. 1999). Тема ненасильственных действий также была предметом большого исследования, в котором документально подтверждена его относительная эффективность (Chenoweth, Stephan 2011; Sharp 1973; Ackerman, DuVall 2000). Наконец, в последние годы значительный объем практики и теории был посвящен построению мира в обществах, восстанавливающихся после разрушительных войн или репрессивных режимов (Dayton, Kriesberg 2009; Lederach 1997; Smock 2002).

Ссылка на «теорию» при обсуждении политического выбора часто принимает вид грубых формулировок. Например, во многих острых конфликтах представители обеих сторон выступают с утверждениями, понятными только их противнику, играющему роль «плохой стороны». Эта формулировка служит для мобилизации поддержки со стороны избирателей с помощью силы или угрозы применения силы. Тем не менее в некоторых случаях сказанное может служить руководством к действию. В любом случае, такое поведение, безусловно, вписывается в любую теорию из области изучения мирного конфликта.

Существует обширная литература, предлагающая теоретические объяснения возникновения войн, революций, кризисов и других серьезных конфликтов. Также существует множество объяснений эскалации конфликта и разгрома врага. Однако большая часть этой литературы исследует структурные обстоятельства, уделяя сравнительно мало внимания организации, к которой люди могут принадлежать. При обсуждении деятельности большое внимание обычно уделяется использованию при-

нуждения, особенно насилию. Выводы из этой литературы помогают при построении мини-теорий, а иногда и общих теорий о ходе социальных конфликтов. Некоторые элементы этих теорий относятся к области исследований мира и конфликтов. Теории как внутри, так и за пределами области исследования конфликтов помогают людям выбрать стратегию ведения конфликта.

Конечно, кажется, что многие люди выбирают стратегию, практически не задумываясь о ее теоретическом контексте. Конкретная стратегия кажется легко доступной для относительно приемлемой ситуации, и поэтому она принимается. Это также может вызывать эмоциональное удовлетворение. Например, сразу после нападения 11 сентября 2001 г. решение президента Джорджа Буша начать военное вторжение в Афганистан, казалось, действительно требовало определения цели для рассмотрения возможных последствий альтернативных стратегий достижения той же цели. Выбрав стратегию, люди могут объяснить и оправдать свой выбор, цитируя обобщения на уровне здравого смысла, историю, моральные нормы или даже элементы теории конфликта.

В этой главе я рассматриваю случаи, когда конкретные люди выбирали политику, которая была совместимой с элементами теорий в области исследований мира и конфликтов, или согласовывалась с элементами других теорий, или же была мало связана с какими-либо теориями. Я обращаюсь к практике должностных и неофициальных лиц.

Практика, согласующаяся с теорией изучения мира и конфликтов

Дискуссию о практике, которая несовместима с теорией изучения мира и конфликта, начнем с решения США (которое в целом рассматривается как трагическое) вторгнуться в Ирак и свергнуть правительство Саддама Хусейна. Каждый шаг правительства на этом пути игнорировал любые адекватные теории изучения мира и конфликта, от традиционных идей об эффективном принятии решений до реалистических теорий международных отношений (Fisher et al. 1996; Mearsheimer, Walt 2003). Процесс принятия решений был непонятным. Казалось, президент Джордж Буш сначала предпринимал какие-то действия, а потом он и другие искали причины для их оправдания (Beinart 2010). Они игнорировали, не принимали в расчет или отвергали контрдоказательства альтернативной политики.

Интересно, что одно эмпирическое обобщение из области исследований мира и конфликтов было выхвачено из его теоретического контекста, для того чтобы использовать его как аргумент необходимости свержения

режима Саддама Хусейна в Ираке. Обобщение заключается в том, что страны с демократическими формами правления воюют друг против друга. Пол Вулфовиц и другие предположили, что на Ближнем Востоке процветал бы мир, если бы страны были демократическими, что последовало бы за освобождением Ирака. Свидетельства о трудностях, связанных с военным вмешательством ради демократических преобразований, были проигнорированы, а последствия вторжения и оккупации Ирака оказались катастрофическими.

С избранием Дональда Трампа на пост Президента США было предложено множество мер по внутренней и международной политике (а некоторые из них предприняты), которые сильно противоречили теории исследования мира и конфликтов. Неясно, согласовывались ли они с какой-либо всеобъемлющей теоретической перспективой. Совершенно очевидно, что Трамп верит в то, что угроза насилия является центральным элементом международных отношений. Даже его акцент на переговорах включает в себя рассмотрение их как во многом принудительных. Убеждение и возможные взаимные выгоды играют ограниченную роль в его политических решениях.

Тем не менее в основе использования Трампом лозунгов лежат общие ориентиры. Рассмотрим его усилия, предпринятые сразу после вступления в должность президента и направленные на запрет иммиграции и других способов законного въезда (например, лиц с действующими грин-картами) в США из семи преимущественно мусульманских стран. Трамп оправдывал свои усилия как необходимую политику борьбы с террористическими атаками в США. Однако данные из области исследований мира и конфликтов, а также свидетельства большинства исследователей и практиков, работающих против терроризма, указывают на то, что такие запреты контрпродуктивны. Они уменьшают вероятность того, что мусульмане в США и за их пределами будут сотрудничать с официальными лицами США без страха и недоверия. Также радикальные исламские организации могут использовать их для распространения своей идеологии и поиска рекрутов.

Трудно сказать с уверенностью, почему Трамп настаивал на такой ошибочной политике. Вероятным источником этого является электорат, который Трамп мобилизовал в своей предвыборной кампании. Он стремился привлечь традиционных правых республиканцев, таких как противники большого правительства, белые расисты, сторонники односторонней внешней политики, а также восхваляющих военные силы США. После своего избрания он назначил лиц из этих группировок на руководящие должности в правительстве, часто игнорируя предпочтения и ин-

тересы основной части Республиканской партии. Примечательно, что Стивен К. Бэннон был важным связующим звеном с некоторыми из этих группировок, поскольку имел большое влияние на Трампа. Он предлагал широкие доктрины и предполагал, что они имеют интеллектуальный вес. Он заявлял о великой политической перспективе верховенства национального суверенитета и границ, о нарушении установленного порядка ради реструктурирования государственной администрации, об этнонационализме, который влечет за собой экономические действия и формы культурного самовыражения, связанные с войной западной цивилизации против исламской цивилизации.

Этот анализ наводит на мысль о причинах, по которым Трамп не смог принять подходы, которые, вероятно, в долгосрочной перспективе были бы более эффективными в борьбе с террористическими атаками: усиленные убедительные действия, увеличение гуманитарной и экономической помощи, усиление дипломатической активности для отказа в поддержке террористических организаций. Такая деятельность могла показаться Трампу слабой, поскольку он делает упор на грубую силу и этнический национализм, считая их привлекательными для своих основных сторонников. Трамп может полагать, что теоретический подход, который он в какой-то мере применил к политике, согласуется с ней или его целями, по крайней мере в краткосрочной перспективе.

Прежде чем обсуждать политику, которая согласуется с подходом специалистов в области исследования мира и конфликтов, я должен отметить роль негосударственных организаций. Их количество и значение на национальном и транснациональном уровнях значительно возросло. В связи с рядом мировых тенденций многочисленные негосударственные организации базируются на религиозной или этнической идентичности. По разным причинам лидеры некоторых из этих организаций мобилизовали своих сторонников с помощью эксклюзивной идентичности и ксенофобских угроз, которые поддерживают выбор как принудительных, так и насильственных стратегий. Различные правительства оказывают поддержку тем, кто вовлечен в экстремистские конфликты против ненавистных врагов. Внешнее вмешательство со стороны правительств, стремящихся продвинуть собственные экспансионистские амбиции, усиливает и продлевает насилие. Такая эскалация приводит к очень большому количеству проигравших. Наконец, я хочу отметить, что стратегии, применяемые лидерами правительства в ответ на массовые вызовы их политике, очень часто являются репрессивными, безжалостными и саморазрушительными, как это было очевидно в последние годы в Сирии и Ливии.

Практика, соответствующая теории исследования мира и конфликтов

К счастью, окончание холодной войны и то, как оно было достигнуто, способствовало многолетнему расширению практического применения теории в области исследований мира и конфликтов. Число международных войн и смертей в конфликтах снизилось. Даже несмотря на неудачи последних лет, было достигнуто множество примеров эффективной практики, согласующейся с теорией исследования мира и конфликтов.

После многих лет напряженности между Ираном и США была достигнута трансформация важного компонента этого антагонизма. Иран добился прогресса в своей программе по производству ядерного оружия, несмотря на введенные США санкции во время президентства Джорджа Буша. Президент Барак Обама «раздробил» сложный антагонизм между двумя странами и изолировал спорный элемент ядерного оружия в соответствии с идеей скорейшего разрешения конфликта (Fisher 1964). Еще до избрания Обамы был открыт канал связи для консервативных иранских лидеров высокого уровня, которые объединились с ведущими фигурами президентской кампании Обамы (Parsi 2012). В этих переговорах также приняли участие эксперты по внешней политике из Европы и Канады. Интенсивные переговоры способствовали достижению взаимопонимания по ядерным вопросам, уменьшив недоверие между двумя сторонами. Кроме того, внутренние изменения в Иране способствовали трансформации конфликта. На президентских выборах в Иране 14 июня 2013 г. верховный лидер аятолла Али Хаменеи отказался от поддержки ультра-националистического президента Махмуда Ахмадинежада, победил Хасан Роухани. Он провел кампанию, призывая к «примирению и миру».

Обама признал право Ирана на развитие ядерной энергетики и уважительно отзывался о культуре Ирана. Такой подход сделал соглашение с Ираном вероятным для постоянных членов Совета безопасности ООН, но Германия, участвовавшая в переговорах (P5+1), поддержала ужесточение санкций против Ирана. В результате переговоры привели к временному соглашению, Совместному плану действий (JPA), которое вступило в силу 20 января 2014 г. Согласно этому соглашению, Иран обещал закрыть часть своей ядерной программы в обмен на снятие некоторых санкций. Условия Совместного плана действий были полностью выполнены. В итоге 14 июля 2015 г. Иран и P5+1+ЕС подписали долгосрочное соглашение — Совместный всеобъемлющий план действий (JCPOA). Соглашение тщательно контролируется и полностью выполняется всеми подписавшими сторонами. Иран без программы разработки

ядерного оружия помогает избежать распространения ядерного оружия на Ближнем Востоке.

Другой случай — начавшийся в 1999 г. прогресс, направленный на прекращение продолжавшегося десятилетия жестокого конфликта между правительством Колумбии и Революционными вооруженными силами Колумбии (*Fuerzas Armadas Revolucionarias de Colombia* или FARC), крупнейшей из партизанских группировок в Колумбии. Прогресс включал использование идей из области исследований мира и конфликтов. Ранее мирные переговоры в 1990 и 1991 гг. с несколькими небольшими партизанскими движениями привели к демобилизации и сдаче оружия в обмен на всеобщую амнистию в отношении действий, совершенных в ходе конфликта. Однако неоднократные попытки договориться об урегулировании между правительством и FARC не были успешными. Правительство президента Андреса Пастраны вело мирные переговоры с FARC в 1999–2002 гг., но соглашения достигнуто не было. Пастрана прервал все переговоры из-за одного из самых жестоких периодов в недавней истории Колумбии.

Массовое разочарование населения привело к избранию в мае 2002 г. Альваро Урибе, который баллотировался как кандидат от «ястребов». В своей президентской кампании Урибе пообещал ликвидировать террористические организации и восстановить контроль правительства по всей стране. Также Урибе учредил несколько программ демобилизации по поминованию политических преступлений и гуманитарной помощи демобилизованным партизанам, которые были одобрены некоторыми группами ополчения. Однако FARC отклонила предложения Урибе. Правительство начало крупномасштабное военное наступление, которое значительно понизило военный потенциал FARC, заставив отступить к внутренним районам страны. Урибе был переизбран в 2006 г. с внушительным перевесом голосов. Хотя он выступил инициатором обычных мирных переговоров с FARC, были установлены секретные неформальные контакты.

В 2010 г. бывший министр обороны Хуан Мануэль Сантос был избран президентом при поддержке Урибе и пообещал продолжать жесткую политику Урибе. Однако вскоре Сантос заявил об изменении политики и дал понять, что открыт для переговоров с вооруженными группами, которые также были готовы для этого. В 2011 г. администрация Сантоса добилась одобрения конгрессом закона о реституции жертв, который официально признал жертв вооруженного конфликта и давал им право на компенсационные меры. Президент Сантос также улучшил отношения с лидерами Венесуэлы и Эквадора, которые присоединились к Кубе и выступили за то, чтобы FARC добивалась урегулирования конфликта путем переговоров.

В марте 2011 г. начались предварительные переговоры между правительством и лидерами FARC. В последующие годы переговорам помогал Генри Акоста, колумбиец, которому довелось случайно встретиться с высокопоставленным лидером FARC в 1998 г. Акоста — экономист, работавший экспертом по сельскому хозяйству в ООН. Став посредником, чтобы помочь выйти из тупиковых ситуаций, он перемещался между Колумбией и Кубой, где проходили переговоры. Акоста объяснил свою эффективность в классических терминах: «Я был терпеливым, уверенным, сдержанным и принимал решения, прежде всего прозрачные для обеих сторон конфликта»*.

Переговоры, о которых было публично объявлено в августе 2012 г., были чрезвычайно трудными. У избирателей с обеих сторон были серьезные опасения по поводу вопросов доверия, справедливости и компенсации ущерба. Вскоре каждая сторона начала предпринимать существенные шаги по укреплению доверия**. Например, в октябре 2012 г. правительство отменило ордера на арест 29 участников переговоров с FARC. В ноябре FARC объявила о двухмесячном одностороннем прекращении огня, и правительство запустило веб-сайт для переговоров и предложило гражданам оставлять там замечания. В 2013 г. небольшой прогресс был достигнут в отношении условий соглашения о проведении публичного референдума по мирному соглашению, когда оно будет достигнуто. Несмотря на некоторые подрывные действия с обеих сторон, особенно летом 2015 г., переговоры продолжались и были предприняты совместные шаги. Переговоры в контексте принудительного соперничества возможны и проходят часто (Sher, Kurtz 2015). Руководители многих зарубежных стран и международных правительственных неправительственных организаций призывали к настойчивости в переговорах и пообещали содействие в выполнении условий мирного соглашения. Различные сторонние лица и группы сыграли полезную роль в консультировании и наблюдении за прекращением огня и продвижением к правосудию переходного периода.

Президент Сантос и лидер FARC Тимошенко 23 июня 2016 г. подписали соглашение об окончательном прекращении огня***. 26 июля бывший президент Урибе объявил, что партия Демократического центра будет выступать против мирного соглашения на предстоящем референдуме.

---

* www.reuters.com/article/us-colombia-rebels-mediator-idUSKCN11S23X?il=0.

** <http://colombiareports.com/colombia-peace-talks-fact-sheet/>.

*** www.nytimes.com/2016/10/03/world/colombia-peace-deal-defeat.html?_r=0; www.theguardian.com/world/2016/dec/01/colombias-government-mally-ratifies-revised-farc-peace-deal.

2 октября 2016 г. мирное соглашение потерпело поражение. Те, кто голосовал против, считали, что условия мира были слишком мягкими по отношению к партизанам. Правительство и лидеры FARC быстро изменили условия сделки, и 30 ноября 2016 г. Сантос заручился ее поддержкой в конгрессе. Партия Демократического центра осталась в оппозиции и бойкотировала голосование. Правительство и FARC выполняют условия соглашения. Очевидно, что многим людям необходимо проделать большую работу, чтобы добиться мира. К счастью, многочисленные неправительственные организации работали над установлением мира по всей стране*. Миротворческие действия предпринимались на самых разных уровнях. Интеграция демобилизованных бойцов в общество трудна, но ее важность была признана (Laporte-Oshiro 2011). Восстановление после травм, нанесенных десятилетиями войны, займет многие десятилетия.

Борьба за прекращение апартеида в ЮАР также заняла многие десятилетия, и на реализацию ее потенциальных преимуществ также потребуются десятилетия. Тот факт, что апартеид закончился в ЮАР мирно, удивил многих. В этом длительном процессе были и откаты, но многие люди на разных уровнях и из разных сообществ вовлекались в политику, которая привела к трансформации общества в ЮАР. Я приведу лишь несколько элементов из тех многих, соединении которых инициировало фундаментальные изменения в Южной Африке.

Во-первых, я пишу о практике Хендрика ван дер Мерве, который вырос на ферме как консервативный африканер. В молодости он отказывался обмениваться рукопожатием с чернокожими, но затем внезапно осознал, насколько был неправ, и изменил свое отношение. Он объяснил свою уверенность в том, что апартеид закончится мирно, фразой: «Если я смогу измениться, то я знаю, что и другие смогут»**. Х. ван дер Мерве изучал межгрупповые отношения в Калифорнийском университете в Лос-Анджелесе, где в 1963 г. получил докторскую степень по социологии. Он вернулся в ЮАР в 1968 г. и стал директором-основателем Центра межгрупповых исследований в Кейптауне. В 1981 г. он провел первые курсы по применению теории разрешения конфликтов к конфликтам в общинах и руководил организацией конференций и ассоциаций, связанных с методами разрешения конфликтов.

Он напрямую инициировал общение между самыми разными оппонентами, организовывал региональные, национальные и международные

---

* www.insightonconflict.org/conflicts/colombia; www.crisisgroup.org/latin-america-caribbean/es/colombia/uncertainty-peace-colombia.

** Personal conversation, June 1998 (van der Merwe 1989, 2000; Botes 2013).

семинары, на которых собирались политические противники. Например, в 1984 г. он инициировал первые встречи сторонников правительства с лидерами Африканского национального конгресса (ANC) в изгнании. Он также был посредником в местных региональных и национальных конфликтах, в том числе между Инквата и Объединенным демократическим фронтом в Натале в 1985–1986 гг.

Постепенный отход ЮАР от политики апартеида повлек за собой рост социальных движений и многочисленных НПО, действующих как согласованно, так и в оппозиции. Не обошлось без насилия. С середины 1990-х годов, когда переговоры о переходе от апартеида уже начались, и с апреля 1994 г., когда были проведены выборы, около 14 000 южноафриканцев погибли в результате инцидентов, связанных с политикой (Mandela 1994: 530). Некоторые из них погибли в результате применения службами безопасности убийной силы. Однако многие из этих смертей произошли среди соперничающих черных групп, особенно между этническими группами коса и зулу и между двумя политическими организациями — ANC и Партией свободы Инквата (IFP), связанной с зулусами. Примечательно, что «третья сила», состоящая из политически правых «белых» элементов, связанных с правительственными силами безопасности, в свое время поддерживала насилие, совершаемое некоторыми членами IFP. Миротворческая практика должна была включать в себя разрешение конфликтного соперничества как внутри основных противников, так и между ними. Устойчивый мир, как правило, требует миротворческой деятельности на местном уровне в сочетании с миротворчеством на уровне правящих элит (Mitchell, Hancock 2012).

Масштабное насилие поставило под угрозу продвижение к демократическим преобразованиям в ЮАР. Призывы прекратить насилие, и даже встречи Нельсона Манделы и других лидеров ANC с Мангосуту Бутелези и другими лидерами IFP, снова и снова терпели неудачу. Ни один человек и ни одна организация не могли положить конец насилию или просто на законных правах созвать конференцию, которая могла бы открыть путь к прекращению насилия. Южноафриканский совет церквей объединился с Консультативным деловым движением для организации такой конференции (Gastrow 1995). Они пригласили представителей всех основных групп общества на закрытое собрание в июне 1991 г. Подготовительный комитет учредил пять рабочих групп и поручил им написать отчеты о Национальном мирном съезде, проведенном в сентябре 1991 г. В результате обсуждения отчетов во время съезда было подписано Соглашение о национальном мире (NPA). Двадцать семь правительственных, политических и профсоюзных лидеров подписали данное соглашение при участии

только трех правых партий «белых». Две левые африканистские группы отказались подписать НРА, но заявили о своей поддержке целей соглашения.

Соглашение о национальном мире обеспечило видение демократии, мира и стабильности в ЮАР, а также создало национальную сеть структур на постоянной основе для достижения этих целей. Оно включает Кодекс поведения организаций, принадлежащих к политическим партиям, Кодекс поведения сил безопасности, Национальный мирный комитет, Национальный мирный секретариат, региональные и местные комитеты по разрешению споров, Комиссию по расследованию вопросов предотвращения насилия и устрашения в обществе, развитию социально-экономического восстановления и Полицейский совет. Эти структуры не без пользы предлагали окружающим и представителям противоборствующих сторон познакомиться друг с другом для совместной работы на национальном, региональном, местном уровнях. Работа по построению демократической, эгалитарной и справедливой Южно-Африканской Республики продолжается по мере появления новых трудностей, которые необходимо преодолеть.

Выводы

Теория и практика всегда взаимодействуют друг с другом. Действия некоторых специалистов-практиков формируются с учетом набора возможных стратегий, содержащихся в широком подходе к ведению и трансформации конфликтов. Однако при применении идей этого подхода к конкретной уникальной ситуации неизбежна импровизация. Таким образом, интерпретация этого опыта может изменять, уточнять или генерировать новые элементы подхода.

Другие практики, не заботящиеся о какой-либо широкой абстрактной теории конфликтов, делают то, что кажется им разумным с точки зрения здравого смысла. С годами многие практики накапливают опыт, который становится руководством к действию в будущем. Люди, стремящиеся разработать теорию, исследуют такие действия и используют их для проверки существующей теории и создания новых элементов теории. Также есть практики, прошедшие специальную подготовку в этой области и давно работающие в ней. Они часто являются членами НПО, которые финансируются правительствами, грантами фондов и благотворительными взносами.

Многие люди работают как ученые или практики. Они сознательно проводят исследования и в абстрактной манере пишут о прикладных программах в области изучения мира и конфликтов. Наряду с этим, они

занимаются практикой, используя методы этой области, как, например, Джон Бертон, Адам Кёрл, Элиза Боулдинг, Герберт Кельман и Йохан Галтунг. Они опробовали свои новые идеи и развили их дальше на основе своего опыта. Большинство этих ученых-практиков также обучали других людей, приходящих в развивающуюся область.

Многие специалисты в области разрешения конфликтов являются учеными, занимающимися исследованиями и преподаванием. В число их студентов в основном входят те, кто планирует сделать карьеру в области изучения мирных конфликтов, и многие из них будут работать в самых разных областях. Распространение подхода исследований мира и конфликтов в обществе, безусловно, увеличивает вероятность того, что этот подход будет реализован на практике и получит поддержку. Многие из этих ученых сами практикуют как защитники и активисты (Kriesberg 1999; Wittner 2007). Они могут делать это как сторонники одной стороны в борьбе или как заинтересованные интервенты, стремящиеся изменить разрушительное противостояние. Более того, люди в течение своей жизни переключаются с одного вида деятельности на другой, от академических до правительственных и неправительственных политических ролей.

В этой главе я иногда говорил, что конкретная стратегия, применявшаяся на практике, «согласовывалась» с подходом исследования мира и конфликтов. При этом я признаю, что практикующий мог иметь или не иметь в виду такую идею. Широко распространенные идеи включают те, которые являются частью области изучения мира и конфликтов. Некоторые элементы подхода стали обычным явлением в большинстве обществ.

Наличие широкого теоретического подхода в уме и под рукой может быть очень полезным. Теории могут присутствовать в книгах и статьях, что делает их доступными при решении проблем и в незнакомых обстоятельствах. Джойс Ной, человек с многолетним опытом работы в сфере посредничества и разрешения конфликтов по всему миру, объясняет это довольно подробно.

В последние годы моей работы в Центре Картера, когда я возглавлял работы по посредническим усилиям, я осознал пользу путешествовать с несколькими книгами по CAR, которые служили своего рода талисманом или защитой (не знаю, как их назвать). Я чувствовал такую ответственность, руководя этими усилиями, что, хотя я читал литературу, в разгар процесса посредничества из-за постоянного напряжения мне часто казалось, что я не получаю всего, что знал, и не проявляю достаточно творчества или опираюсь на то, что другие уже сделали или предложили. Так

что было полезно иметь под рукой несколько книг, которые я мог бы прочитать, чтобы успокоиться и помочь себе снова встать на ноги*.

Благодарности

Я признателен многим людям за содержательные беседы, которые провел по предмету данной главы на протяжении многих лет. В частности, за комментарии, относящиеся к этой главе, я благодарю Ф. Уильяма Смуллена, бывшего руководителя аппарата Государственного секретаря Колина Л. Пауэлла, и Джойс Ной, директора отдела исследований национальной безопасности в Сиракузском университете, Кристофера Митчелла, основателя и старшего сотрудника отдела содействия миру, и Паулу Фридман.

Перевод с английского языка
У. Ивановой, М. Копрянцевой, А. Месчан, О. Никифоровой
под редакцией Л.Г. Титаренко

Литература/References

Ackerman P., DuVall J. (2000) *A Force More Powerful: A Century of Nonviolent Conflict*. New York: Palgrave.

Beinart P. (2010) *The Icarus Syndrome: A History of American Hubris*. New York: Harper.

Bercovitch J. (ed.) (1996) *Resolving International Conflicts: The Theory and Practice of Mediation*. Boulder: Lynne Rienner.

Botes J. (2013) Special issue, in honor of H. W. van der Merwe. *African Journal on Conflict Resolution*, 13(3): 1–168.

Chenoweth E., Stephan M.J. (2011) *Why Civil Resistance Works: The Strategic Logic of Nonviolent Conflict*. New York: Columbia University Press.

Crocker C.A., Hampson F.O., Aall P. (eds.) (1999) *Herding Cats: Multiparty Mediation in a Complex World*. Washington: United States Institute of Peace Press.

Dayton B.W., Kriesberg L. (eds.) (2009) *Conflict Transformation and Peacebuilding: Moving from Violence to Sustainable Peace*. Abingdon, UK: Routledge.

Druckman D. (1995) Social psychological aspects of nationalism. In: Comaroff J.L., Stern P.C. (eds.) *Perspectives on Nationalism and War*. Luxembourg: Gordon & Breach: 56–59.

Fisher R. (1964) Fractionating conflict. In: Fisher R. (ed.) *International Conflict and Behavioral Science*. New York: Basic Books.

Fisher R., Kopelman E., Schneider A.K. (1996) *Beyond Machiavelli*. New York: Penguin.

---

* Personal email, May 9, 2017.

Gastrow P. (1995) *Bargaining for Peace*. Washington: United States Institute of Peace.

Kriesberg L. (1999) Reflections on my roles, identities, activities, relating to conflict resolution. *Nexus: Journal of Peace, Conflict and Social Change*, 1(1–2): 118–125.

Kriesberg L. (2015). *Realizing Peace: A Constructive Conflict Approach*. Oxford, UK: Oxford University Press.

Kriesberg L., Dayton B.W. (2017) *Constructive Conflicts: From Escalation to Resolution* (5th ed.). Lanham: Rowman & Littlefield.

Laporte-Oshiro A. (2011) *From Militants to Policemen: Three Lessons from U.S. experience with DDR and SSR*. Washington: United States Institute of Peace Press [www.usip.org/sites/default/files/from%20militants%20to%20policemen.pdf].

Lederach J.P. (1997) *Building Peace: Sustainable Reconciliation in Divided Societies*. Washington: United States Institute of Peace Press.

Lewicki R.J., Saunders D.M., Minton J.W. (2000) *Essentials of Negotiation*. New York: McGraw Hill. Mandla N. (1994) *Long Walk to Freedom*. Boston, MA: Little, Brown.

Mearsheimer J.J., Walt S.W. (2003) An unnecessary war. *Foreign Policy* (Jan./Feb.), 51–9 [www.mtholyoke.edu/acad/intrel/bush/walt.htm].

Mitchell C., Hancock L. (eds.) (2012) *Local Peacebuilding and National Peace: Interaction between Grassroots and Elite Processes*. New York: Continuum International Publishing Group.

Moore C.W. (2003) *The Mediation Process: Practical Strategies for Resolving Conflict* (3rd ed.). San Francisco: Jossey-Bass.

Parsi T. (2012) *A Single Roll of the Dice: Obama's Diplomacy with Iran*. New Haven: Yale University Press.

Raiffa H. (1982) *The Art and Science of Negotiation*. Cambridge: Harvard University Press.

Sharp G. (1973) *The Politics of Nonviolent Action*. Boston, MA: Porter Sargent.

Sher G., Kurtz A. (eds.) (2015) *Negotiating in Times of Conflict*. Tel Aviv: Center for Applied Negotiations, Institute for National Security.

Smock D.R. (ed.) (2002) *Interfaith Dialogue and Peacebuilding*. Washington: United States Institute of Peace Press.

Van der Merwe H. (1989) *Pursuing Justice and Peace in South Africa*. Abingdon, UK: Routledge.

Van der Merwe H. (2000) *Peacemaking in South Africa: A Life in Conflict Resolution*. Cape Town: Tafelberg.

Wittner L.S. (2007) Combining work as an historian and activist: A personal account. *Peace and Change*, 32(2): 128–133.